

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Фаина Георгиевна Раневская и Юрий Владимирович Никулин были хорошо знакомы, с большим уважением относились к творчеству друг друга, однажды вместе сыграли в одном фильме. Что объединяло двух таких непохожих людей? Они обладали невероятным арсеналом моментально узнаваемых неповторимых масок.

Они были понятны всем, близки всем, вызывали самые светлые позитивные эмоции. И в этом — суть их таланта, суть настоящего творчества.

А еще они оба обладали уникальным чувством юмора.

Фаина Раневская была мастером острохарактерных запоминающихся ролей. Что же касается ее афоризмов, то она их не выдумывала, она просто ими говорила.

Юрий Никулин еще до армии начал заносить в записную книжку анекдоты. Сначала их у него было шестьсот, потом — полторы тысячи, потом — тысяч шесть, а может быть и больше. Как говорится, на все случаи жизни. Он думал так: «Если кто-то просто улыбнется, мне и это будет радостно сознавать. Потому что даже после небольшой улыбки в организме обязательно дохнет один маленький микроб».

Их пути пересеклись на съемках фильма «Девушка с гитарой», где она играла Зою Павловну Свиристинскую, а он — пиротехника-неудачника.

В интервью журналисту и киноведу Глебу Скороходову Фаина Георгиевна рассказывала: «Его пиротехника запомнили все, а ведь это был дебют!

Он большой артист и вот о чем заставил меня думать. Фраза “каждый комик мечтает о Гамлете” давно стала общим местом, но смысла не утратила. Настоящие клоуны всегда со вторым планом, не обязательно смешным. Иногда он скрыт, иногда виден всем.

Я никогда не забуду Чаплина в финале “Огней большого города”. Помните, он выходит из тюрьмы, оборванный, в кургузом пиджачке, и вдруг застывает: в витрине цветочного магазина — его любимая <...> Сколько бы я ни смотрела эту сцену, слезы текут непрерывно.

Чаплин ставил комедии в высоком смысле. Как у Чехова. Пьесы, в которых один шаг до Гамлета. И Никулин <...> — точно в чаплинской традиции.

Мы с Юрием Владимировичем говорили однажды о клоунах, и он вдруг признался, что его идеал — Чаплин, и что в финале “Огней” он всегда плакал.

— Мы с вами одной группы крови, — не удержалась я».

А вот слова польского писателя Збигнева Войцеховского:

«Фаина Раневская любила цирк. Да, очень любила. Вряд ли здесь есть чему удивляться: она прекрасно видела, что значит быть цирковым артистом, сколько самого обыкновенного пота проливают артисты на репетициях. Что касается клоунов, то Раневская обожала Юрия Никулина. И он ею восхищался и очень любил».

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

Я ЖИЛА
СО МНОГИМИ
ТЕАТРАМИ

АФОРИЗМЫ, которые читатель непременно станет цитировать

* * *

Настоящая фамилия Раневской — Фельдман. Она была из весьма состоятельной семьи. Когда Фаину Георгиевну попросили написать автобиографию, она начала так: «Я — дочь небогатого нефтепромышленника...» Дальше дело не пошло.

* * *

Фаина Георгиевна о своей жизни:

— Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга — «Судьба — шлюха».

* * *

В юности, после революции, Раневская очень бедствовала и в трудный момент обратилась за помощью к одному из приятелей своего отца.

Тот ей сказал:

— Дать дочери Фельдмана мало — я не могу. А много — у меня уже нет...

* * *

В архиве Раневской осталась такая запись:

«Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать. К тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке. Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей. Воспоминания — это богатство старости».

* * *

— Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить, как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стена, угрожа-

ет оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены.

* * *

— Белую лисицу, ставшую грязной, я самостоятельно выкрасила чернилами. Высушив, решила украсить ею туалет, набросив лису на шею. Платье на мне было розовое, с претензией на элегантность. Когда я начала кокетливо беседовать с партнером в комедии «Глухонемой» (партнером моим был актер Ечменев), он, увидев черную шею, чуть не потерял сознание. Лисица на мне непрерывно линяла. Публика веселилась при виде моей черной шеи, а с премьершей театра, сидевшей в ложе, бывшим моим педагогом, случилось нечто вроде истерики... (это была П.Л. Вульф). И это был второй повод для меня уйти со сцены.

* * *

— В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

Как я завидую безмозглым!

* * *

— Знаете, — говорила Раневская, — когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности.

* * *

— Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной...

* * *

В свое время именно Эйзенштейн дал застенчивой, заикающейся дебютантке, только появившейся на «Мосфильме», совет, который оказал значительное влияние на ее жизнь. «Фаина, — сказал Эйзенштейн, — ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставляя людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!»

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что кое-чему научилась. Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», она пришла в негодование и на чей-то вопрос о съемках этого фильма крикнула: «Лучше

я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!» Автору «Броненосца» незамедлительно донесли, и он отбил из Алматы восторженную телеграмму: «Как идет продажа?»

* * *

— Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

— Я — выкидыш Станиславского.

* * *

— Я провинциальная актриса. Где я только ни служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

* * *

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полу клонясь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество

лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

* * *

— Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

* * *

— Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

* * *

Долгие годы Раневская жила в Москве в Старопименовском переулке. Ее комната в большой коммунальной квартире упиралась окном в стену соседнего дома и даже в светлое время суток освещалась электричеством. Приходящим к ней впервые Фаина Георгиевна говорила:

— Живу, как Диоген. Видите, днем с огнем!

Марии Мироновой она заявила:

— Это не комната. Это сущий колодезь. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

— Но ведь так нельзя жить, Фаина.

— А кто вам сказал, что это жизнь?

Миронова решительно направилась к окну. Подергала за ручку, остановилась. Окно упиралось в глухую стену.

— Господи! У вас даже окно не открывается...

— По барышне говядина, по дерьму черепок...

* * *

— Как вы живете? — спросила как-то Ия Саввина Раневскую.

— Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову, — ответила Фаина Георгиевна.

* * *

— Фаина Георгиевна, как ваши дела?

— Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью — повидло.

* * *

— Как жизнь, Фаина Георгиевна?

— Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

* * *

Эта жуткая комната с застекленным эркером была свидетельницей исторических диалогов и абсурдных сцен. Однажды ночью сюда позвонил Эйзенштейн. И без того неестественно высокий голос режиссера звучал с болезненной пронзительностью:

— Фаина! Послушай внимательно. Я только что из Кремля. Ты знаешь, что сказал о тебе Сталин?!

Это был один из тех знаменитых ночных просмотров, после которого «вождь народов» произнес короткий спич:

— Вот товарищ Жаров хороший актер, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, и все равно сразу видно, что это Жаров. А вот Раневская ничего не наклеивает и все равно всегда разная...

* * *

Раневская на вопрос, как она себя сегодня чувствует, ответила:

— Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула...

— Паспорт человека — это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать, а паспорт лишь напоминает, что ты можешь жить как восемнадцатилетняя.

* * *

— Старость — это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости. Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман — и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала. Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

* * *

— Жизнь — это затяжной прыжок из п...зды в могилу.

* * *

— Жизнь — это небольшая прогулка перед вечным сном.

* * *

«Третий час ночи... Знаю, не засну, буду думать, где достать деньги, чтобы отдохнуть во время отпуска мне, и не одной, а с П.Л. (Павлой Леонтьевной Вульф).

Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки...» 48-й год, 30 мая.

(Из записной книжки народной артистки)

* * *

— Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

* * *

— Почему вы не пишете мемуаров?

— Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда.

* * *

Раневская вспоминала:

— Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». И тут же добавляла: «Ну да, я великая

артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа».

* * *

— Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

* * *

— Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

* * *

Раневская с негодованием заявляет: — Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

* * *

— Старость, — говорила Раневская, — это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

* * *

— Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год...

Сию в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник — домашний клозет.

— Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

* * *

Воспоминания — это богатства старости.

* * *

— Успех — единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

* * *

«Для меня всегда было загадкой — как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком. Как бы растолковать бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?»

(Раневская, из записной книжки)

* * *

— Старая харя не стала моей трагедией — в 22 года я уже гримировалась старухой, и привыкла, и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки... Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

* * *

Спутник славы — одиночество.

— Одиночество как состояние не поддается лечению.

* * *

Раневская сказала Зиновию Паперному:

— Молодой человек! Я ведь еще помню порядочных людей... Боже, какая я старая!

* * *

— Старость — это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

— Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя.

* * *

Подводя итоги, Раневская говорила:

— Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...

* * *

— У меня хватило ума прожить жизнь глупо.

* * *

Главный художник «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с уксусным голосом».

О коллегах-артистах:

— У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

* * *

О новой актрисе, принятой в театр «Моссовета»:

— И что только не делает с человеком природа!

— У нее не лицо, а копыто, — говорила об одной актрисе Раневская.

* * *

— Оптимизм — это недостаток информации.

* * *

— Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

* * *

— Всю свою жизнь я проплавала в унита-
зе стилем баттерфляй.

* * *

— Ничего, кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

* * *

Раневская говорила:

— Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела, как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все как у людей.

— Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

* * *

— Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, — говорила она о другой.

* * *

— У него голос — будто в цинковое ведро ссыт.

* * *

Об одном режиссере:

— Он умрет от расширения фантазии.

Пи-пи в трамвае — все, что он сделал в искусстве.

* * *

— Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались.

— Это ваше режиссерское кредо?

— Да, пока оно таково.

— Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит жопа, ой, простите, я хотела сказать спинной хрэбэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена... Посмотрите, собака! Псина моя бедная! Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди... погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят. Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста...

— Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, — я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь...

Следовала нижайшая просьба.

* * *

Раневская и Марецкая идут по Тверской. Раневская говорит:

— Тот слепой, которому ты подала монетку, не притвора, он действительно не видит.

— Почему ты так решила?

— Он же сказал тебе: «Спасибо, красотка!»

Встречаются Раневская и Марлен Дитрих.

— Скажите, — спрашивает Раневская, — вот почему вы все такие худенькие да стройненькие, а мы — большие и толстые?

— Просто диета у нас особенная: утром — кекс, вечером — секс.

— Ну, а если не помогает?

— Тогда мучное исключить.

* * *

Однажды Раневская участвовала в заседании приемной комиссии в театральном институте.

Час, два, три...

Последней абитуриентке в качестве дополнительного вопроса достается задание:

— Девушка, изобразите нам что-нибудь очень эротическое, с крутым обломом в конце...

Через секунду приемная комиссия слышит нежный стон:

— А... аа... ааа... Аа-а-а-пчхи!!!

* * *

— Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

Раневская о проходящей даме: — Такая задница называется «жопа-игрунья».

А о другой: «С такой жопой надо сидеть дома!»

* * *

Обсуждая только что умершую подружку-актрису:

— Хотелось бы мне иметь ее ноги — у нее были прелестные ноги! Жалко — теперь пропадут...

* * *

Режиссера Варпаховского предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

— Очень хорошо, я и сам так считаю.

— Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.

— С какой стати?

— Этого не знает никто. Она все может сказать.

— Я тоже кое-что могу.

— Не делайте ей замечаний.

— Как, вообще?!

— Говорите, что мечтаете о точном психологическом рисунке.

— И все?

— Все. Впрочем, этого тоже не говорите.

— Но так нельзя работать!

— Будьте бдительны.

* * *

Вечером звонок Раневской:

— Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

— Даю слово, Фаина Георгиевна.

— Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

— Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

— Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я говно?!

* * *

Раневская всю жизнь мечтала о настоящей роли. Говорила, что научилась играть только в старости. Все годы копила умение видеть и отражать, понимать и чувствовать, но чем тверже овладевала грустной наукой существования, тем очевиднее становилась невозможность полной самореализации на сцене. Оказалось, нет для нее ни Роли, ни Режиссера. Роль не придумали. Режиссер не родился.

* * *

— Я была вчера в театре, — рассказывала Раневская. — Актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго аплодировала.

* * *

— Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

— Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами.

* * *

— Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, — требует капризная молодая актриса.

— Все будет настоящим, — успокаивает ее Раневская: — Все: и жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

* * *

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

* * *

— Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность.

* * *

Раневская хотела попасть в труппу Художественного театра.

Качалов устроил встречу с Немировичем-Данченченко. Волнуясь, она вошла в кабинет. Владимир Иванович начал беседу — он еще не видел Раневскую на сцене, но о ней хорошо говорят. Надо подумать — не войти ли ей в труппу театра. Раневская вскочила, стала кланяться, благодарить и, волнуясь, забыла имя и отчество мэтра: «Я так тронута, дорогой Василий Степанович!» — холодея, произнесла она. «Он как-то странно посмотрел на меня, — рассказывает Раневская, — и я выбежала из кабинета, не простившись». Рассказала в слезах все Качалову. Он растерялся — но опять пошел к Немировичу с просьбой принять Раневскую вторично. «Нет, Василий Иванович, — сказал Немирович, — и не просите; она, извините, ненормальная. Я ее боюсь».

* * *

— Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

* * *

Охлопков репетировал спектакль с Раневской. Она на сцене, а он в зале, за режиссерским столиком. Охлопков: «Фанечка, будьте добры, станьте чуть левее, на два шага. Так, а теперь чуть вперед на шагок». И вдруг требовательно закричал: «Выше, выше, пожалуйста!» Раневская поднялась на носки, вытянула шею, как могла. «Нет, нет, — закричал Охлопков, — мало! Еще выше надо!» «Куда выше, — возмутилась Раневская, — я же не птичка, взлететь не могу!»

«Что вы, Фанечка, — удивился Охлопков, — это я не вас: за нашей спиной монтировщики флажки вешают!»

* * *

— Критикессы — амазонки в климаксе.

* * *

Увидев исполнение актрисой Х. роли узбекской девушки в спектакле Кахара в филиале «Моссовета» на Пушкинской улице, Раневская воскликнула: «Не могу, когда шлюха корчит из себя невинность!»

* * *

— Кино — заведение босяцкое.

* * *

— Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

* * *

Однажды, посмотрев на Галину Сергееву, исполнительницу роли «Пышки», и оценив ее глубокое декольте, Раневская своим дивным басом сказала, к восторгу Михаила Ромма, режиссера фильма: «Эх, не имей сто рублей, а имей двух грудей».

* * *

Осенью 1942 года Эйзенштейн просил утвердить Раневскую на роль Ефросиньи в фильме «Иван Грозный». Министр кинематографии Большаков решительно воспротивился и в письме секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову написал: «Семитские черты Раневской очень ярко выступают, особенно на крупных планах».

* * *

Раневская постоянно опаздывала на репетиции. Завадскому это надоело, и он попросил актеров о том, чтобы, если Раневская еще раз опоздает, просто ее не замечать.

Вбегает, запыхавшись, на репетицию Фаина Георгиевна:

— Здравствуйте!

Все молчат.

— Здравствуйте!

Никто не обращает внимания. Она в третий раз:

— Здравствуйте!

Опять та же реакция.

— Ах, нет никого?! Тогда пойду поссу.

* * *

— Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, — зывала к себе Раневская.

* * *

— Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишневый сад».

— Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

— У Юрского течка на профессию режиссера. Хотя актер он замечательный.

* * *

В разговоре Василий Катанян сказал Раневской, что смотрел «Гамлета» у Охлопкова.

— А как Бабанова в Офелии? — спросила Фаина Георгиевна.

— Очень интересна. Красива, пластична, голосок прежний...

— Ну, вы, видно, добрый человек. Мне говорили, что это болонка в климаксе, — съязвила Раневская.

* * *

...Тошно от театра. Дачный сортир. Обидно кончать свою жизнь в сортире.

* * *

...Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» — ничего о себе не знаю.

* * *

— Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное скорбление! В театр вхожу как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

* * *

«...С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней.

Терплю даже Завадского».

* * *

Узнав, что ее знакомые идут сегодня в театр посмотреть ее на сцене, Раневская попыталась их отговорить:

— Не стоит ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая... Но раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта.

— Почему после второго?

— После первого очень уж большая давка в гардеробе.

* * *

— Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, — жалуется Раневская психиатру.

— А в чем дело? Каковы симптомы?

— Очень тревожные: все, что говорит Завадский, кажется мне разумным...

* * *

— Нонна, а что, артист Н. умер?

— Умер.

— То-то я смотрю, он в гробу лежит...

* * *

— Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!

— Какое горе?

— Он умер.

* * *

— Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново за автора переписали!

— А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу.

* * *

Говорят, что этот спектакль не имеет успеха у зрителей?

— Ну, это еще мягко сказано, — заметила Раневская. — Я вчера позвонила в кассу и спросила, когда начало представления.

— И что?

— Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»»

* * *

Раневская забыла фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене:

— Ну эта, как ее... Такая плечистая с заду...

* * *

— Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?

— Он находится слишком далеко от начала.

Как-то она сказала:

— Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

* * *

— Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, — похвастался Раневской Виктор Розов. — Люди у касс устроили форменное побоище!

— И как? Удалось им получить деньги обратно?

* * *

Вернувшись в гостиницу в первый день после приезда на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала перед театром такую реплику аборигена: «Спектакль сегодня вечером, а они до сих пор не могут решить, что будут играть!»

И он показал на афишу, на которой было написано «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

* * *

Раневская повторяла:

«Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?»

Ей послали пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где была маленькая роль старой актрисы. Вскоре Раневская позвонила Марине Неловой:

«Представьте себе, что голодному человеку предложили монпансье. Вы меня поняли? Привет!»

* * *

В Театре имени Моссовета, где Раневская работала последние годы, у нее не прекращались споры с главным режиссером Юрием Завадским. И тут она давала волю своему острому языку.

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала:

— Я не люблю мессу в бардаке.

* * *

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью, с криком: «Пойду повешусь!» Все

были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

* * *

В «Шторме» Билль-Белоцерковского Раневская с удовольствием играла Спекулянтку. Это был сочиненный ею текст — автор разрешил. После сцены Раневской — овация, и публика сразу уходила. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а Завадский ее Спекулянтку из спектакля убрал. Раневская спросила у него: «Почему?»

Завадский ответил: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля...»

Раневская предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

* * *

Однажды Завадский закричал Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками со-

жрали весь мой замысел!» «То-то у меня чувство, как будто наелась говна», — достаточно громко пробурчала Фаина. «Вон из театра!» — крикнул мэтр. Раневская, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!»

* * *

Отзывчивость не была сильной стороной натуры Завадского. А долго притворяться он не хотел. Когда на гастролях у Раневской случился однажды сердечный приступ, Завадский лично повез ее в больницу. Ждал, пока снимут спазм, сделают уколы.

На обратном пути спросил: «Что они сказали, Фаина?» — «Что-что — грудная жаба».

Завадский огорчился, воскликнул: «Какой ужас — грудная жаба!» И через минуту, залюбовавшись пейзажем за окном машины, стал напевать: «Грудная жаба, грудная жаба».

* * *

За исполнение произведений на эстраде и в театре писатели и композиторы получают авторские отчисления с кассового сбора.

Раневская как-то сказала по этому поводу:

— А драматурги неплохо устроились — получают отчисления от каждого спектакля своих пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает. Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за телеграммы, которые подаются в его доме!

* * *

Творческие поиски Завадского аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру». Делая скорбную мину, Раневская замечала:

— В семье не без режиссера.

* * *

Раневская говорила начинающему композитору, сочинившему колыбельную:

— Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки...

* * *

Как-то она и прочие актеры ждали прихода на репетицию Завадского, который только что к своему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда.

После томительного ожидания режиссера Раневская громко произнесла:

— Ну, где же наша Гертруда?

* * *

Раневская вообще была любительницей сокращений. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома — даму очень средних лет, заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходящая со сцены, в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

— Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

* * *

Раневская называла Завадского маразматиком-затейником, уцененным Мейерхольдом, перпетуум-кобеле.

* * *

Раневская говорила:

— Завадский простудится только на моих похоронах.

* * *

— Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать-героиня».

* * *

— Завадскому снится, что он похоронен на Красной площади.

— Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе.

* * *

Раневская кочевала по театрам. Театральный критик Наталья Крымова спросила:

— Зачем все это, Фаина Георгиевна?

— Искала... — ответила Раневская.

— Что искали?

— Святое искусство.